

Се Цяньнин выбежал, горько плача, и только у дверей лифта столкнулся с Юй Цзыцяном и Чжун Минляном. Фэн Цайцзе также погнался за ним в это время, и несколько человек неожиданно встретились.

Увидев, что Се Цяньнин так грустно плачет, Юй Цзыцян немного озадачился и игриво спросил: "Эй, сестра, что это за открытие сегодня? У тебя действительно слезы и нос?"

Фэн Цайцзе холодно посмотрела на него и резко предупредила: "Заткнись, и если будешь говорить глупости, я закрою тебя еще на несколько дней". Хэ Цян пошел посмотреть.

"Да, когда я этого не говорил". Юй Цзыцян совсем не злился, и ему не было дела до Фэн Цайцзе. Он стоял в стороне и смотрел на Се Цяньнин, удивляясь, почему она так грустно плачет.

Чжун Минлянь знал личность Фэн Цайцзе, поэтому, даже если его сына задирали, он не смел кричать и тащить его за собой: "Цзыцян, пойдем".

Юй Цзыцян не уходил, стоял на месте: "Мама, мне еще нужно кое-что сделать. Я уйду позже".

"Что еще у тебя есть?"

"О, мне все равно нужно кое-что сделать, оставь меня в покое".

"Ты - это не сработает, я не хочу, чтобы тебя заперли еще на два дня".

Чжун Минлянь не могла ничего поделать, но ее сын не уходил, поэтому ей пришлось сопровождать его, чтобы избежать несчастных случаев.

Се Цяньнин не вошла в лифт, стояла там, где плакала, потом оглянулась, не нашла ни Линь Шуроу, ни Хэ Фанго, никто не пришел ее остановить, и она снова была потрясена. Боль причиняла ей такой дискомфорт, что она не могла сдерживать рыданий: "Почему она может быть такой жестокой, не желая даже объяснить мне ложь, почему?".

Она просто хотела услышать от матери сердечное слово, слово, которое заставило бы ее почувствовать материнскую любовь, почему она ничего не сказала? Неужели ей так трудно что-то сказать?

Фэн Цайцзе обнял ее и утешил: "Дурочка, перестань плакать, это было больно более десяти лет, разве это не достаточно больно?"

"Шрам более чем десятилетней давности снова зарубцевался, и стало еще больнее. Я не прошу ее любить меня дотошно, как другие матери.

Я просто надеюсь, что она сможет дать мне несколько слов, хотя бы одно предложение. Слов, которые помогут мне почувствовать себя менее разбитым сердцем. Но это предложение - экстравагантное желание для меня". Она плакала в его объятиях, ей хотелось громко плакать, но она не смела плакать, поэтому ей пришлось тяжело.

"Не расстраивайся, если ты снова заплачешь, мое сердце будет очень сильно болеть. Я понимаю твою нынешнюю боль. В конце концов, я пережил подобное. Я не могу залечить эту рану в твоём сердце. Я могу полагаться только на тебя. Все, что я могу дать тебе, это любую поддержку". Он может понять боль в ее сердце, потому что у него и раньше была такая боль, но сейчас он оцепенел и ничего не чувствует, поэтому ему больше не больно.

Безжалостность Фэн Цзярона так душераздирающа!

"Маленькая обезьянка, спасибо тебе". Она подумала об эгоизме, жестокости и безжалостности Фэн Цзярона. В то же время она вдруг почувствовала себя счастливой. Хотя ее мать была эгоистичной, она не была такой жестокой, как Фэн Цзяронг.

"Маленькая дурочка, я такая глупая, чтобы сказать тебе спасибо еще раз, не говори ничего в будущем, понимаешь? Давай вернемся назад или пойдем туда, куда ты хочешь".

"Я хочу посетить сад дяди".

"Что ж, пойдемте в сад дяди сейчас, пойдемте".

Фэн Цайцзе собирался войти в лифт с Се Цяньнин на руках, но Юй Цзыцян отказался, преградив им путь, и подозрительно спросил: "Я еще не знаю, что случилось, ты уходишь вот так?"

Се Цяньнин вытерла слезы из уголков глаз, попыталась выдавить улыбку и мягко спросила: "Младший брат, то, что случилось с нами, похоже, не твое дело, верно?".

"Если я называю тебя сестрой, ты называешь меня братом, твое дело - мое дело. Не хочешь ли ты рассказать мне, что случилось с этим братом?". Юй Цзыцян очень юморной, хотя и немного косноязычный. Но чувство праведности в его костях невозможно было скрыть.

Чжун Минлян боялся, что он снова обидит Фэн Цайцзе, поэтому он оттащил его назад и отчитал: "Вонючий мальчишка, не создавай мне проблем, иди".

"Мама, что за проблемы, я все еще должен ей сто юаней, мама..." Юй Цзыцян был вынужден уйти, но не смог, поэтому ему пришлось крикнуть: "Сестра, я верну тебе долг в другой день! "

"..."

Се Цяньнин беспомощно покачал головой, на его лице появилась слабая улыбка, и он вдруг почувствовал необъяснимую близость к человеку, который называл ее сестрой.

Когда Фэн Цайцзе увидел ее улыбку, он тоже рассмеялся: "Похоже, что ваши отношения с Юй Цзыцяном неплохие. Некоторые люди говорят и смеются".

"Похоже, что здесь такой кислый вкус, кто опрокинул банку с уксусом?"

"Не волнуйся, я не буду ревновать к этому ребенку. Пойдем, пойдем в дядин сад".

"Это хорошо".

Се Цяньнин вошла в лифт и посмотрела на проход без никого, в тот момент, когда дверь лифта закрылась, она все еще думала, что ее мать может прогнать ее и оставить у себя.

Но нет, она так и не появилась, заставляя людей чувствовать себя скованно.

Возможно, такова судьба их матери и дочери. Что ж, пока они живут счастливо и радостно друг с другом, это хорошо. Раз мама сказала, что едет в США, чтобы жить комфортной жизнью, зачем ей еще бороться с этим, пусть живет так, как хочет, может быть, это хорошо для всех.

Чжун Минлянь затащил Юй Цзыцяна в кабинет Линь Шуроу. Как только он вошел в дверь, он отпихнул его и сказал: "Линь Шуроу, по какому поводу вы сегодня пришли к нашей матери и сыну?"

Линь Шуроу держала в руке нефритовый браслет и все еще грустно плакала. Увидев приближающегося Чжун Минляня, ей пришлось отбросить печаль, вытереть слезы рукой и отрегулировать свои эмоции.

Хэ Фанго была еще в офисе и знала, что Линь Шуроу хочет встретиться с их матерью и сыном, поэтому сказала ей: "Цзыцян, Шуроу хочет дать тебе должность президента банка Тяньсян, ты сможешь хорошо справиться с этим".

Услышав эту новость, Чжун Минлянь очень обрадовалась, но все еще не осмеливалась быть слишком уверенной: "Линь Шуроу, это правда или ложь?"

Линь Шуру глубоко вздохнул и ответил серьезным и серьезным тоном: "Это правда, я хочу передать банк Цзыцяну."

"Хорошо, это то, что ты сказал..." Как раз когда Чжун Минлянь был взволнован, Юй Цзыцян вдруг сказал: "Я не редкость."

"Цзыцян, о чем ты говоришь?"

"Мама, тебе не кажется странным, что пирог падает с неба без причины?"

"Это банк Тяньсян, вещь твоего отца, она изначально принадлежала тебе, где она просто так?"

"Не может быть, чтобы Линь Шуроу отдал мне Тяньсян банк просто так. Должно быть, в этом есть какой-то заговор?"

Чжун Минлянь почувствовал, что это разумно, и настороженно спросил: "Линь Шуроу, что ты играешь?"

Линь Шуру криво улыбнулся, начал собирать вещи и, собирая их, объяснил: "Я устал и хочу отдохнуть. Вообще-то, я никогда не думал о том, чтобы завладеть банком Тяньсян. Вэнь Он отдал банк мне перед смертью, но беспокоился, что я буду Ты просто издеваешься, и не имеешь в виду ничего другого. Теперь я не думаю, что тебе есть чем мне отплатить. Я верну тебе банк Тяньсян".

"Кто сказал, что тебе не за что мстить, я буду продолжать делать тебе хуже смерти". Юй Цзыцян притворился свирепым и устрашающим. На самом деле, жажда мести в его сердце не так сильна, как раньше.

На протяжении многих лет он время от времени досаждал Линь Шуроу, но она никогда не сердилась и просила Се Цяньнин спасти его. Надо сказать, что у него больше нет сил на ответные действия, особенно после встречи с Се Цяньнин. Зная, что он не единственный, кто пострадал.

"Цзыцян, что ты за ребенок, я знаю очень хорошо, помоги своему отцу позаботиться о банке в будущем, я надеюсь, что банк Тяньсян сможет развиваться лучше в твоих руках. Мин Лянь, я знаю, что ты все еще ненавидишь меня, но я надеюсь, что ты сможешь больше думать о своем ребенке и не позволишь ему жить в ненависти. Обиды предыдущего поколения не должны

касаться следующего поколения.

Я тоже мать с детьми, я только надеюсь, что мои дети счастливы, что касается других вещей. Это не имеет значения".

Слова Линь Шуру вызвали у Чжун Минлянь глубокие чувства, но она всегда чувствовала себя немного странно: "Линь Шуру, почему ты сегодня странный?"

"Наверное, потому что я многое отложил в сторону, не хочу больше так мучиться. Мин Лянь, мне жаль, что я разрушил твою семью тогда, и мне еще больше жаль, что Цзыцян потерял любовь своего отца, когда он был молод, хотя это ничего не значит, чтобы извиниться за Полезное, но я все равно хочу извиниться перед тобой."

"Я не принимаю твои извинения, что **** ты делаешь?"

"Все в порядке, позаботься о Цзыцяне". Линь Шуру не стала ничего объяснять. В это время она собрала свои вещи, вышла, встала перед Юй Цзыцяном, умоляющим тоном попросила его: "Цзыцян, банк Тяньсян передаст его тебе, ты должен позаботиться обо всем для своего отца. Если ты ничего не понимаешь, можешь спросить Сяо Хэ, он будет очень хорошим помощником, а именно, помоги мне и позаботься о нем".

Хэ Фанго почувствовал, что это было похоже на прощание с жизнью и смертью, он был немного подозрителен и спросил в панике: "Шу Ру, скажи мне, что случилось, почему ты такая странная?"

"Я не удивлена, я просто собираюсь уйти отсюда с небольшими эмоциями. Сяохэ, я планирую отдать дань уважения Вэньхэ, прежде чем сесть в самолет. Боюсь, что у меня не будет возможности поклониться снова, когда я обоснуюсь в США, поэтому передача зависит от тебя. Сделайте это за меня, передайте Цзыцяну некоторые детали, требующие внимания, и я уйду". Линь Шуру легко попрощался со всеми, а затем вышел.

Хэ Фанго не позволил ей этого сделать, схватил ее, пристально посмотрел ей в глаза, глубоко задумался и снова спросил: "Шу Ру, ты что-то скрываешь от меня?"

"Я уже сказала, что все в порядке, я очень устала и хочу дать себе отпуск. Разве это не нормально?"

"Конечно, можно устроить себе отпуск, но то, что ты сказала, немного странно".

"Я просто хочу сказать что-то легкомысленное. Я не ожидал, что ты так удивишься. Забудь, я больше не буду тебе ничего рассказывать. Я уйду, пока".

"..."

Хэ Фанго больше не держал ее, а отпустил. Он всегда чувствовал, что все не так просто, но что-то было не так, и он не мог сказать.

"Цзыцян, почему Линь Шуру так поспешно ушел? Не может ли быть так, что ты опустошила деньги в банке? Поторопись и посмотри". неожиданно сказал Чжун Минлянь.

Юй Цзыцян безразлично пожал плечами, сел и стал понемногу разбираться, что нужно делать в таком положении.

Хотя ему не очень хотелось сидеть в этой позе, он должен был сидеть, чтобы сохранить все, что касается его отца.

()

<http://tl.rulate.ru/book/40213/2081258>